

Александр МЕЛЬМАН

Бесстрашный, талантливый, умный, интеллигентный. Подбострастный, хамоватый, несимпатичный. Все это об одном человеке — тележурналисте Андрее Караулове. Непонятно, когда он любит и ненавидит по-настоящему, а когда притворяется. Караулов играет самого себя: эдакого Порфирия Петровича, вечно разоблачающего власть имущего Раскольниковца.

Андрей КАРАУЛОВ:

Я НЕ ЗАНИМАЮСЬ ГРЯЗЬЮ!

- Вы можете определить жанр, в котором работаете?

— Когда в жизни все не ясно, нет стили жизни, то не может быть жанров в чистом виде ни в театре, ни в кино, ни на ТВ. Я не понимаю, что такое ток-шоу. Говорят: "Момент истины" — ток-шоу Андрея Караулова. Я не спорю, но я не знаю, что это такое. Все, что мы делаем, — это в конечном счете политика. Поэтому я работаю только по интуиции. Она часто подводит. А создать новый жанр в XXI веке невозможно. Все уже давно открыто. Я вообще жду, чтобы кто-нибудь издал постановление правительства, запрещающее ставить пьесы Чехова лет двадцать. Ну уже все, дальше некуда, каждая строчка изучена. Нельзя же повторяться до бесконечности.

— Вас еще называют журналистом-провокатором...

— Недавно я читал одного критика. Я его хорошо знаю: он у нас в ГИТИСе учился, хороший был мальчик — тихий, скромный, деньги в долг просил, но всегда отдавал. Вдруг он вырос журналистом. И вот прочитал я его статью о себе под названием "Журналист с большой дороги". Откуда у людей столько зависти, злобы? Мы дикие люди. С Клинтоном случилась беда. Боже, как над ним издевались, посмеивались! И это абсолютно в порядке вещей. У нас то же самое. Вот Анатолий Иванович Лукьянов пришел из тюрьмы ко мне в программу "Момент истины" и стал рассказывать о Горбачеве гадости. А ведь они оба делали перестройку, ту, которой многие так радовались. И я спрашиваю: "Что же получается, Анатолий Иванович? Ваш друг Горбачев подлецом, значит, оказался?" И почему вы считаете, что это провокация? Это вопрос. И на каждый вопрос нужно отвечать.

— Когда вы разговариваете с коммунистом, вы становитесь ярким либералом, а если беседуете с правым, то становитесь коммунистом...

— А я бы и у Гитлера с удовольствием взял интервью. И я брал интервью у Саддама Хусейна, и с Фиделем Кастро мы разговаривали и, надеюсь, еще встретимся. Я не знаю, что такое провокация. Андрей Белый говорил: "Говорить о себе как о писателе мне неловко, я просто ищущий человек". Вот Зюганов, например. Он знал, что в 96-м выиграл выборы, но первым поздравил Ельцина с победой. Почему? Почему он разрешил фальсифицировать выборы? Зачем Коржаков создавал закры-

тые округа? Было понятно, что именно там и будут кидать. Сюда отнесли все тюрьмы, все военные городки, всю границу. Вот туристы в Анталии все как один и проголосовали за родного президента. Так почему же Зюганов, зная все это, не поднял скандал?

— Наверное, боялся власти?

— Я другого боюсь. Сейчас Зюганов настроен на власть. Иначе ему нельзя, потому что тогда он не останется генсеком. Но всегда в партии главными были секретари райкомов и обкомов. И сейчас так. Многие из них давно уже куплены Кремлем. Поэтому очень часто Зюганов и не возникает. Ведь не хотел Зюганов, чтобы Селезнев баллотировался в Московской области. А пленум КПРФ захотел, потому что Кремль подсказал. Я подозреваю, что эти самые первые секретари спокойно отдадут Зюганова на закание Кремлю.

— Игра уже сделана?

— Фальсификация выборов очень возможна. У меня в программе был Хасбулатов и сказал, что на том самом референдуме — помните, "да-да-нет-да" — было 8 миллионов фальшивых бюллетеней. Но Хасбулатов молчал. А надо было устроить скандал. Закончилось все расстрелом Белого дома. Вы знаете, недавно я был в Петербурге, разговаривал с социологами. И вот они говорят: главным претендентом на пост губернатора Санкт-Петербурга будет Путин.

— Каким это образом?

— После поражения на президентских выборах он уедет к себе на родину и будет баллотироваться.

— Поражение от кого?

— От народа. Ведь в бюллетене есть такая графа — "Против всех". И вот многие считают, что такой вариант возможен.

— Но как можно за две недели так снизить рейтинг Путина?

— Сейчас реально рейтинг Путина — 26–27 процентов.

— Значит, ВЦИОМ опять все переверирует?

— Нет, они честно работают. Просто там порочна сама система. ВЦИОМ опрашивает две тысячи людей, но лишь по телефону или Интернету. Они не учитывают село, райцентры, а ведь Россия — крестьянская страна. Я не занимаюсь прогнозами — я журналист. Но вот приезжает наша съемочная группа в Калининград и видит дом, где живет теща Путина Екатерина Тихоновна. Сразу все ясно: Путин просто забыл о своих близких.

— Может, он не хочет использовать свое высокое положение для помощи родственникам?

— Я ведь не о Татьяне Дьяченко говорю. Представьте, что в вашем доме живет пожилая женщина. Вы видите, что у нее по стене ручьями течет вода, а дымоход разваливается. Кирпичи сыплются. Заделать крышу стоит полторы тысячи долларов. Допустим, у вас таких денег нет. Но вы просто из сострадания пойдете к ней и заделаете крышу. Если у Путина нет времени это сделать, то что я должен думать об этом человеке?

— А что, там совсем невозможно жить?

— Да. Есть уровень бедности, а это сильно за ее чертой. Это страшно. В таком доме в XXI веке жить нельзя, но многие в России живут. Путин не был у своей тещи больше восьми лет.

— Но это вопрос к жене Пути...

— Да, к жене. Когда теща в одной газете пожаловалась на крышу, ей поставили телефон. Так первой по этому телефону позвонила ее дочь и запретила своей матери вступать в любые контакты с журналистами.

— И что, какой же вывод вы делаете из этой истории?

— Путин не любит людей.

— Вы видели, как он вел себя на похоронах Собчака?

— В те дни, когда Россия хоронила Анатолия Александровича Собчака, я позвонил Людмиле Нарусовой. Я успел извиниться перед Собчаком. Я очень много о нем говорил и от многого не откажусь никогда. Но в одной конкретной истории у меня была неверная информация, я ее использовал втемную. За это я Собчаку открыто принес извинения. Но в эти же самые дни в России произошло еще одно горе: умер подлинно великий человек, академик Владимир Федорович Уткин, создатель всех российских боевых ракет. Тот самый Уткин, который вместе с другими учеными противостоял Америке в годы холодной войны. Смерть академика Уткина в России осталась незамеченной. Его и при жизни не замечали. Он был секретным ученым. Так и его смерть сделали секретной, и ни один канал об этом не сказал. И и.о. президента этого не заметил. Когда Путин в городе Иркутске на глазах всей страны поставил свечку на месте гибели "Руслана", то почему же он после панихиды по Собчаку не приехал на место страшного пожара в Питере, который был накануне? Там погибли люди. Страшные кадры увидел весь мир. CNN вела прямую трансляцию. Путина там ждали люди, но ему не подкачали, и он не поехал. Он президент и должен, мне кажется, знать обо всем и реагировать на все. Пусть телеграммой, пусть телефонным звонком, пусть одним словом. Я не верю в искренность новогодних вояжей по Чечне. Это просто мальчишество. Потому что человек, исполняющий функции премьера и президента в одном лице, не может так собой рисковать.

— Но это всего лишь сброс информации. И, как говорят, организован он из Москвы...

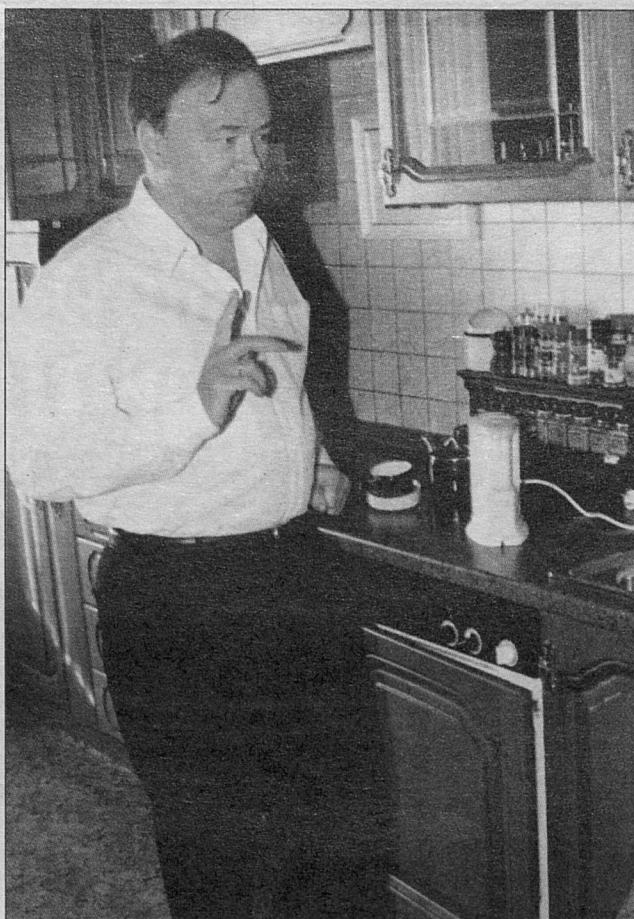
— Я не говорю, что Путин должен быть себя кулаком в грудь и говорить, что он к Березовскому, Лесину, Калужному, Абрамовичу не имеет никакого отношения. Я не об этом. Я о том, что нельзя это все читать и делать вид, что ты в другой стране живешь. Не реагировать никак. Собака лает — ветер носит. А можно и иначе. Можно вообще воспринимать собственную державу как шашку для зарабатывания денег. А при первом же шухере можно сваливать. Вот люди, которые собрались вокруг Путина, рассматривают Россию как шашку. Скажи мне, что твой друг, и я скажу, кто ты. Мы никому никогда не докажем недвижимость в Германии, счета в Испании, даже уголовные дела в Петербурге. Можно пулю получить. Более того, мы не будем задавать вопрос, что было с Анатолием Собчаком, почему он в Париже полтора года жил. Кто вывез? Кто привез? Кто платил за коридор санитарного самолета?

— Скорее всего, Путин. Но сейчас это воспринимается как доблесть.

— Нам ничего никто официально не сказал. Сегодня мы не знаем тысячной доли того, что происходит в Кремле, прокуратуре, ФСБ, МВД. Мне не нравится, что при Владимире Путине, когда в полном смысле с гор спускаются гробы, Рушайло вместе с Березовским катаются на лыжах за границей. Не нравится мне это. А когда человек у гроба Собчака, перед лицом смерти, говорит о травле Анатолия Александровича и не замечает ту чудовищную войну и чудовищную травлю, которая сейчас в эти дни, часы исходит со стороны государственного ТВ против Лужкова и Примакова?..

— Вы ненавидите власть, но вы ведь дружите со многими бывшими и нынешними людьми Кремля.

— Нет, я не ненавижу власть. Просто я далек от мысли, что любая власть священна, потому что она в России от Бога. Она не от Бога. Эту власть мы сами создали. Я все искал человека, который нашел Владимира Путина, предложил его кандидатуру. Ведь как люди во власти появляются? Ельцин, например, в 91-м о

чек даже школьный журнал с отметками Путина из школы. Мне это не нравится.

— Но никаких документов о незаконных деяниях Путина нет.

— У нас нет документов ни на что. Вот ходят разговоры, что у Путина есть недвижимость в Германии и счет в Испании. Это клевета? Отлично! Может быть, я говорю полную ерунду. Я вопрос задаю. Прав, не прав — я не знаю. Я слышал краем уха. Они в другую игру играют. Они нас не замечают. Газета "Монд" пишет, что Березовский до тех пор будет с Путиным, пока тот будет устраивать Березовского. А если Путин не будет устраивать Березовского, то Березовский такое расскажет про взрывы в Москве... Это "Монд" пишет — и тоже не замечает.

— Я не борюсь. Я просто говорю то, что думаю. Вообще я живу как хочу. Хочу — женюсь, хочу — развожусь. Я влюбился, но любимая женщина не должна быть любовницей. Это стыдно. Вот я не могу уважать человека, который после того, как тогдашний премьер Степашин пришел к нему в передачу "Итоги" и неосторожно сказал, что он хочет сниматься у Караулова, стал его отговаривать, объясняя, что Караулов — это скандалы, институтки на даче и бандиты. То есть я не люблю коллег, которые выступают в жанре привычного для них доноса перед лицом премьера. И не могу уважать себя, если я не буду говорить все, что хочу сказать. Хочу быть свободным.

— А право имеете?

— Да, имею. По Конституции у нас свобода слова.

— Про вас говорят, что вы ничем не отличаетесь от тех людей, которых вы так ненавидите.

— Мне все равно, кто и что обо мне говорит. У поэтов есть такой обычай: в круг садясь, оплевывать друг друга. Но мне не все равно, что я сам говорю и что делаю на экране. Я готов предать свою собственную программу, но не свою жизнь. Люди не понимают: как, спрашивают, ты можешь такое говорить, тещу путинскую снимать, — тебя же КГБ убьет! При Горбачеве, когда КГБ было сильнее, чем сейчас, такого кошмара не было...

— Вы свою тещу не оставляете?

— В том-то и дело, что свою тещу я никогда не оставлял. У нее, слава Богу, крыша не течет. Но когда у нее были проблемы, я их решал. Это родные люди. Россия с них начинается, а не с улыбок в самолете. Есть несколько кругов. Сначала ты — агент КГБ. Потом — педераст. Потом — моральный разложенец. Это закон.

— И через все это вы прошли?

— Это бывает с каждым, кто в России делает дело. Я однажды задался целью найти человека, о котором никогда никто в России не говорил плохого. Нашел. Одного. Сергей Сергеевич Аверинцев, великий ученый. Но как только он стал народным депутатом СССР, младшие научные сотрудники с удовольствием начали его оговаривать.

— И зачем вам все это, замесились бы театром — так спокойнее...

— Я и так занимаюсь театром. Я пишу книгу о Юлии Константиновне Борисовой.

— Политика — тоже театр?

— Это совершенно разные вещи. Когда хоронили Собчака, было еще одно событие: 40 дней как ушла Изабелла Даниловна Юрьева. Их, тех людей, которые создавали нацию, осталось всего ничего: Ангелина Степанова, Павел Лисициан, Борис Покровский, академик Раушенбах, Ирина Бугримова... Дудинская еще жива. Всё. Мы теряем память. А теряя память, мы теряем страну. Сейчас я завершаю четырехтомник о том, что было в России за эти последние годы, и наслаждаюсь тем, как люди, герои этой книги, ее читают: Хасбулатов, Филатов, Шахрай...

— У вас была программа, где Явлинский встречался с Юрием Любимовым. Вы потом сказали, что уровень этих двух людей несопоставим.

— Меня поразило другое — как строился их диалог. Это был разговор глухого со слепым.

— Явлинский не понимал Любимова?

— Абсолютно. Это было настолько чудовищно! Они говорили на разных языках, на языках разных культур.

— Но это Явлинский. Что же тогда говорить о других политиках?..

— Такое несоответствие происходит очень часто. Мы делали диалог Явлинского с Лихачевым. Съёмка началась с того, что Явлинский опоздал на полтора часа. Лихачев стоял и ждал его. Все это не случайно.

— Ну а вы сами? Вот у вас — "Мерседес", личный шофер, шикарная дача. Вы неплохо устроились...

— Да. И у моей жены машина, и у нее тоже водитель. Я заплатил за прошлый год 239 тысяч рублей налогов. Я не виноват, что на Западе, где иногда покупают мои фильмы, хорошо платят. После истории с Якубовским я стал очень осторожным. Я теперь в свою налоговую декларацию включаю даже пользование VIPом. Когда система захотела окончательно задуть Лисовского, уж за что не знаю, ему как большое преступление приписали пользование VIPом в "Шереметьево". VIP стоит 50 долларов, и если часто ездить за границу, накапливается какая-то сумма. Поэтому я до копейки подсчитал, сколько заработал, заплатил огромный налог и хожу с гордо поднятой головой.

— Вам нравится копаться во власти?

— Мне интересно в политике найти подлинное и разглядеть имитацию. Причем вовремя. Сейчас в жизни все симитировано: власть, президент, искусство Художественного театра... А мне хочется найти подлинное.

— Нашли?

— А это хороший вопрос. Я вспоминаю, как Крымова интервьюировала Раневскую. Крымова спросила: "Фаина Георгиевна, а почему вы так часто меняли историю?" Она ответила: "Искала настоящее искусство". — "Нашли?" — "Нашла. В Третьяковской галерее".

— Люди власти — несчастные люди?

— Все, кто был во власти, становятся людьми трагическими. Всегда. После того как ты побывал там, наверху, жизни нет. На моей памяти свою отставку относительно легко пережил только Олег Попцов, ну и еще Филатов. Хотя все болячки, какие у него сейчас есть, — оттуда, из Кремля. Но у нас же все делается только по-хамски. Филатов попросил у Ельцина несколько дней, чтобы собрать документы. Но уже на следующий день после подписания заявления об отставке вошла новая охрана и выкинула все вещи Филатова из кабинета. То же самое было с Горбачевым. "Пир зверей", — ухмылялся он, когда узнал, что Ельцин и другие наутро после отставки Горбачева заставили охрану отпереть кабинет президента и распили там бутылку виски на троих.

— Это почти то же, что было в 17-м году, когда солдаты молились в Зимнем дворце...

— Абсолютно — ничего не изменилось. Мы необучаемы.

— Свою книгу о политике вы пишете каким-то сухим и сжатым стилем, совсем без эпитетов. Это чтобы подчеркнуть всю грязь власти?

— Я не занимаюсь грязью. Пишу как было, и не моя вина, что во власти столько грязи, предательства и глупости.

Фото Андрея КОРОТКОВА.

Моск комсомолец - 2000 - 12 марта - с. 9.